

1959 г. против сектантства, три приходятся на Дальний Восток, (Хабаровск, Владивосток, Приморское изд.), одна на Север (Сыктывкар), одна на Украину (Киев), две на Сибирь (Красноярск, Иркутск) и лишь одна на Европейскую Россию (Орел)⁶²).

3. Но значение сектантства не определяется его численностью.

В отличие от православной церкви, все сектантские группировки призывают своих членов — каждая по разному и в разной степени, в соответствии со своим религиозным учением — не принимать участия в тех или иных проявлениях советской жизни. В этом смысле сектантство, как целое, являет собой социальную оппозицию советской власти и насаждаемому ею строю. В учении сект советские люди и, в частности, молодежь находят не только утоление своих религиозных чувств, но и возможность выразить оппозиционные настроения. Распространению сектантства способствует также ослабление православной церкви, отсутствие распространения православного учения путем печатного слова. До сего времени есть города и местности фактически не обслуживаемые Православною церковью. Вполне естественно, что именно там зарождаются сектантские общины, не нуждающиеся в иерархическом начале. К тому же, в глазах многих верующих Православная Церковь скомпрометировала себя своим сотрудничеством с советским правительством. Существуют еще и другие причины успеха сектантства: в православных церквях, верующий растворяется в анонимной массе прихожан, тогда как в сектантских общинах, советские люди находят дружную, тесно-сплоченную семью, которой так нехватает в советской жизни.

Наконец, за последние годы сектантство усилилось в связи с ослаблением террора и роспуском концентрационных лагерей. В показаниях сектантов, порвавших с религией, или же вновь судимых за нелегальные действия, часто встречаются упоминания о их пребывании в исправительных лагерях до амнистии 1953 года.

Все эти факторы способствовали тому, что сектантство в целом стало одним из самых значительных религиозных и социальных явлений в Советской России.

⁶²) Наука и Религия, 3, 1960, стр. 53.

Н. М. ЗЕРНОВ

КТО БЫЛ ПЕРВЫМ ЕПИСКОПОМ КИЕВСКИМ ПРИ ВЛАДИМИРЕ СВЯТОМ?

Замечание на Очерки по Истории Русской Церкви А. В. Карташева

Смерть А. В. Карташева не дала возможность ему закончить его труд по Истории Русской Церкви. Однако, первые два тома, только что изданные ИМКА-Пресс в Париже, являются уже большим событием в изучении Русского Православия и будут на долгое время служить ценнейшим пособием для всех изучающих наше прошлое. Одним из вопросов, над которым много потрудились А. В., было начало Церкви в Киевской Руси. Я не успел поделиться с ним моими соображениями по этому поводу, но я думаю, что и для читателей «Вестника» мои разногласия с А. В. могут быть интересными, т. к. они касаются одного из основных вопросов, происхождения Киевского государства.

А. В. Карташев на страницах I тома с большим мастерством описал ту тщательную работу, проделанную греческой иерархией и ее киевскими сторонниками над документами Владимирской эпохи, которая отразилась в дошедшем до нас тексте «Повести Временных Лет». Попытка изложить крещение Руси в желательном для грекофилов виде имела полный успех. Созданная версия вошла в русское историческое сознание. Только в последнее время историкам удалось отчасти восстановить подлинную картину этого коренного поворота в судьбах русского народа.

В ноябрьском (1949) и в апрельском (1950) номерах *The Slavonic Review*, издающейся в Лондоне, я пытался начертать ход событий, приведший св. Владимира к решению принять крещение и ввести в лоно Церкви свой народ. А. В., очевидно, не читал моих статей, но его изложение тех же событий в главном совпадает с моей реконструкцией и это согласие дает мне новое подтверждение наших общих заключений. Только в одном вопросе у нас имеется серьезное разногласие. А. В. настаивает на том, что нам остается неизвестным первый епископ Киевский. Я считаю, что его личность ясно обрисована «Повестью», хотя он и не назван нигде носящим этот сан.

«Повесть Временных Лет» не упоминает ни имени, ни даже наличия лица в епископском сане, в столице Киевской Империи во время царствования Владимира. Поэтому, начиная уже с XV века, русские летописцы старались восполнить этот досадный пробел и постепенно легендарные личности, подобные митрополиту Ми-

хаилу и Льву вошли в Историю Русской Церкви. А. В. убедительно доказывает, что ни Михаил, ни Лев не могли быть епископами в Киеве при Владимире. Для того, чтобы объяснить непонятное молчание «Повести» о первом Киевском епископе, необходимо, хотя бы кратко упомянуть о той решительной перемене в церковной ориентации, которая произошла в 1037 году при Ярославе Мудром (1019-1054).

После долгих и сложных переговоров, Ярослав признал главенство Патриарха Константинопольского, принял в Киев греческого митрополита Феопемпта и заложил основание собора св. Софии в подражание матери церкви всего Византийского Православия. В 1039 г. тот же Феопемпт освятил заново и Десятинную церковь, построенную Владимиром Святым. Эти события крепко и уже навсегда ввели Русскую Церковь в русло византийской традиции.

Глубокая перемена, происшедшая в недрах Русской Церкви побудила ее руководителей проделать тщательный пересмотр всех записей, относящихся к царствованию Владимира Святого. В особенности все события, связанные с крещением, как самого князя, так и киевлян, были по-новому освещены и в значительной мере искажены, т. к. они противоречили новой церковной политике. Подробное описание переделок текста читатель найдет в Истории Карташева и здесь достаточно указать, что Владимир вел себя, как равный Византийским Императорам и нередко заставлял Империю слушаться своих повелений. Подобное поведение было неприемлемо для всех тех, кто видел в Византии единственное вселенское христианское царство. В начале своего правления, Владимир спас императора Василия II (976-1025) посылкой своих войск на помощь ему в Малую Азию. Взамен этой поддержки он потребовал выдачи замуж за него сестры императора Анны. Когда это условие не было исполнено, Владимир захватил Корсунь и стал угрожать походом на Царьград. Император был принужден выполнить свой договор. Анна была прислана в Крым и Владимир вернулся в свою столицу с духовенством и церковной утварью, взятыми им в Корсунь и приступил к крещению Руси. Рассказ «Повести» о причинах, побудивших Владимира идти походом на Корсунь, мало убедителен и хронологически запутан. «Повесть» также очень скупа на подробности первоначального устройства Русской Церкви и, как уже было выше указано, обходит молчанием наличие епископа в Киеве. Подобное молчание можно объяснить трояким способом: либо в Киеве при Владимире не было епископа, либо его имя было забыто, либо редакторы «Повести» не хотели называть епископом то лицо, которому Владимир вручил бразды церковного правления в своей столице. Первое и второе предполо-

жение едва ли вероятны. Если Владимир мог послать епископа в Новгород (Якима Корсуняна), почему же он не мог достать его для своей столицы? Также невероятно, что имя епископа могло быть так скоро забыто. Вероятнее всего, что оно было одиозно грекофильским кругам и они поэтому упорно не желали давать ему этого титула. Наличие лица, выполнявшего епископское служение не скрыто от читателей «Повести». Несколько раз она упоминает некоего Анастаса, не объявляя его иерархического положения, но приписывая ему значительную, даже руководящую роль в деле организации Киевской Церкви. Так, например, под годом 988-м «Повесть» говорит: «После этого Владимир взял царицу и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента... и взял сосуды церковные и иконы на благословение себя». Под 989-м годом «Повесть» рассказывает: «Затем жил Владимир в христианском законе и задумал создать церковь Пресвятой Богородицы и послал привести мастеров из греческой земли... и когда кончил строить, украсил ее иконами, поручил ее Анастасу Корсуняну, и поставил служить в ней корсунских священников». Под 996 г. в «Повести» сказано: «Помолившись Богу, Владимир сказал: Даю церкви Святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов... и дал он десятую часть Анастасу Корсуняну». Кто же был этот таинственный Анастас? Мог ли он быть простым мирянином? Такое предположение абсурдно. Владимир строил церковь на традиционных основах. Поставить во главе своего престольного собора мирянина было бы полным отступлением от церковного предания. Карташев вместе с позднейшими русскими летописцами возводит Анастаса в сан пресвитера, но это предположение явно противоречит тексту «Повести». Анастас всюду упоминается перед пресвитерами и под своим именем; он — явно стоит над ними и вне их безымянного ряда. Не было никакого основания для редакторов «Повести» не назвать его пресвитером, если бы он был таковым, а если он им был, то еще непонятнее становится отсутствие епископа в Киеве при наличии его в Новгороде. Но предположим, что Анастас был епископом — тогда весь текст становится понятным и единственным вопросом, подлежащим дальнейшему выяснению остается лишь упорный отказ «Повести» называть Анастаса епископом Киевским. Объяснение подобного нежелания дает сама «Повесть».

Первое упоминание об Анастасе раскрывает нам его личность и его отношения с Владимиром. Под 988 г. «Повесть» рассказывает, что во время осады Корсуни «некий муж корсунянин Анастас пустил стрелу в стан Владимира, написав «Перекопай и перейми воду, она идет по трубам из колодцев, которые за Тобой

с Востока». Владимиру удалось захватить Корсунь, благодаря совету, данному ему Анастасом. Согласно некоторым источникам Анастас был по происхождению варягом. Возможно, он был соглядатаем Владимира и очевидно был ему хорошо известен. Не удивительно поэтому, что выбор лица для епископа в Киеве пал на соратника и сотрудника князя, который ценой риска своей жизни помог Владимиру добиться победы. Взяв Корсунь, Владимир смог диктовать свои условия Византии. Василий II был принужден послать свою сестру в лагерь варвара, полу варяга, полу славянина. Очевидно греческая иерархия должна была тоже посвятить в епископа Анастаса, лица для нее мало приемлемого, варяга, мирянина, предателя греческого города, и, наверное, человека без богословского образования. Вместо того, чтобы возглавить Русскую Церковь своим доверенным и ученым монахом — дипломатом, греки отдали в руки Анастаса Киевский Престол. Естественно, что грекофильские редакторы «Повести» упорно не хотели называть его епископом. Но возникает вопрос, почему сам Владимир предпочел ученому греку своего варяга Анастаса. Ответ на этот вопрос приоткрывает для нас замыслы дерзновенного князя, строителя новой империи на берегах Днепра. Владимир был выдающимся правителем, в его планы входило построение державы, которая объединила бы земли и народы от Карпат до Волги. На его владениях жили и христиане и язычники, и среди христиан были, как западные, так и восточные члены Церкви. «Повесть» неоднократно упоминает о том влиянии, которое Владимир имел, и в Венгрии, и в Польше, и в Чехии... (многие поляне приняли свою веру с Запада). По мысли Владимира, его Церковь должна была быть объединяющим началом для всего его многонародного государства и он не только хотел иметь Церковь независимую, как от Византии, так и от Рима, но в его планы также входило включение в ее жизнь и западных и восточных элементов. Так, например, собор св. Богородицы, в Киеве был украшен греческими мастерами, но план церкви был западный, да и само имя «десятиной» указывало на западный, обычай, не практиковавшийся в Византии. Отсюда следует, что греческий епископ или православный бескомпромиссного византийского направления не подходил Владимиру. Ему нужен был созвучный ему иерарх, готовый выполнять его предначертания, а таким лицом, очевидно, и был Анастас. Карташев был большим поклонником Владимира, но он не решался признать возможным, что Владимир построил Церковь в своей империи независимой и равноправной с другими автокефальными Церквями. А. В. считал, что Владимир подчинил ее епископу Охридскому. «Повесть» не дает

никаких оснований для подобного предположения, да и психологично оно мало правдоподобно. Владимир называл себя самодержцем; как и другие славянские владетели, он подражал императорам и хотел поэтому иметь свою независимую Церковь. Охридское царство, отдаленное и маломощное, не могло импортировать могущественному Киевскому Князю, не признававшему над собою иного высшего политического авторитета.

Смерть Владимира, междоусобицы его сыновей разрушили его грандиозные планы. Политика объединения западных и восточных христиан в лоне единой Русской Церкви кончилась неудачей. «Повесть» была составлена сторонниками строгой византийской традиции, и потому они с нескрываемой враждой отнеслись к тому епископу, который согласился проводить в жизни задания Великого Князя. В последний раз Анастас упоминается в 1018 году. Описывая временное занятие Киева Болеславом Польским, союзником Святополка Окаянного, «Повесть» говорит: «Болеслав же бежал из Киева, захватив с собою ценности, бояр Ярослава, его сестер и Анастаса, вкравшегося к нему в доверие, которого он приставил к этим сокровищам».

Так исчезает с русского горизонта первый епископ Киевский. Он бежит на Запад, тот Запад, который постепенно становится враждебным миром для Руси, но который при Владимире входил на равноправных началах в состав Киевской Империи.

«Повесть» под 1019 г. помещает рассказ о бегстве Святополка, тоже на Запад. Там он погибает смертью нераскаянного грешника. Его могила находится в пустынном месте между Польшей и Чехией «и от нее исходит смрад жестокий до сего дня». Светлое утро Русской Истории длилось недолго, оно затуманилось, когда с престола киевской державы сошел ласковый Князь Владимир, Красное Солнышко, дерзновенный христианин, великий государственный человек, пророчески провидевший правильные пути развития для русского народа, которые не удалось осуществить его наследникам.

18-10-1960

Оксфорд.